

УДК 34(091)
ББК 67.3(0)414

ДВОРЦОВЫЕ ДОЛЖНОСТИ В СИСТЕМЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ РАННЕПАЛЕОЛОГОВСКОГО ПЕРИОДА

В.А. Золотовский, А.А. Шанин

Статья посвящена актуальной проблеме социально-политической сущности центральной системы управления Византийской империи. В рамках исследования рассмотрены вопросы организации и функций титулов-должностей в системе дворцового управления, определена социальная сущность иерархии дворцовых титулов-должностей, их роль в провинциальном управлении, представлена характеристика правового статуса и функций месадзона.

Ключевые слова: история государства и права, история Византии, раннепалеологовский период, центральное имперское управление, дворцовые титулы, придворные должности.

После отвоевания Константинополя императорам последней правящей династии Византии предстояло создать систему центрального управления, которая в силу расширения территории, увеличения расходов империи на поддержание безопасности границ должна была существенно отличаться от системы управления, утвердившейся в Никейской империи [4, р. 151]. Важнейшие задачи по управлению должны были быть возложены на многочисленных чиновников в соответствии с их титулами и должностями¹. В этой связи целью данной статьи является определение конкретных компетенций, властных полномочий, закрепленных за носителями дворцовых титулов. Кроме того, мы остановимся на вопросах реорганизации центрального управления.

Наши знания о центральном управлении в Византии зависят от источников, описывающих жизнь императорского двора. Несмотря на возможность использовать данные трактата Псевдо-Кодина, посвященного описанию иерархии и церемониала Дворца, автор которого приводит данные о взаимосвязи отдельных титулов с определенной ком-

петенцией, считаем необходимым проанализировать все известные нам случаи упоминания носителей титулов в связи с конкретной деятельностью.

Многочисленные дворцовые должности были объединены в сложную дифференцированную систему. Анализ дворцового церемониала позволяет восстановить порядок, в соответствии с которым высшие чины императорского дворца допускались к императору. Согласно данным Псевдо-Кодина, посвятившего этому вопросу отдельную главу трактата, можно предположить, что формально иерархия титулов из 84 рангов была разделена на несколько классов. Первый класс допускался в Триклион в следующем порядке. Возглавлял процессию великий domestik. После представления василевсу он оглашал присутствовавших вплоть до логофета стад [21, р. 189–192]. Порядок представления носителей титулов от великого толкователя (52-й ранг) до великого байулу не подлежал четкой регламентации. Это дает возможность предположить, что более низкие по рангу титулы были объединены в один класс. Лица, которым жаловались титулы с 52-го по 84-й ранг, очевидно, были слабо связаны с дворцовым управлением и без особого распоряжения были ограничены в праве общения с императором. Здесь следует подчеркнуть, что первый класс дворцовых

чиновников также был строго дифференцирован в вопросе общения с самодержцем.

По данным Л. Брейе, особый юридический статус должностей с 7-го по 34-й ранг (от великого доместика до друнгария флота), подчеркивается тем, что символы власти и дары, согласно статусу титула, выдавались чиновникам самим василевсом [7, р. 145, 175]. В то же время остальные должностные лица получали их из рук примикирия дворца и логофета стад соответственно. Таким образом, можно констатировать явную классификацию дворцовых титулов-должностей, системная совокупность которых образовывала трехклассное деление, определенное формальными, возможно, традиционными принципами, проявившимися во взаимодействии с автократом по порядку делегирования властных полномочий. Исходя из этого, мы можем предположить, что проходившие процедуру инвеституры с прямым участием императора носители титулов-должностей первых 34 рангов составляли класс высшего дворцового чиновничества.

Учитывая регламентацию процедуры представления василевсу, а также порядок делегирования власти через передачу символов власти, представляется возможным титулы с 35-го по 51-й ранг отнести ко второму классу. Должности второго класса формально должны были находиться в подчинении лиц, занимавших должности первого класса. Однако численное различие первых двух классов, а также отсутствие четкой регламентации системы взаимодействия явно свидетельствуют об игнорировании принципа пропорциональности. Кроме того, многочисленность и отсутствие хотя бы формальной связи большинства должностей третьей группы с конкретными административными функциями не вносит ясности в вопрос о политико-правовом основании реконструированной нами классификации и группового объединения титулов-должностей. Также материал источников не позволяет определить регламентированный порядок замещения и условия пожалования титулов. Исключение составляют титулы севаста и деспота, которые по данным Псевдо-Кодина жаловались исключительно членам императорской семьи или родным братьям василевсов [21, р. 133–134].

Определенную ясность по вопросам замещения должностей вносят данные каталонского хрониста Рамона Мунтанера, сообщившего о пожаловании титула мегадуки Рожеру де Флору и Беренгарию де Эстенце. По данным хрониста, «император пожаловал Рожеру титул мегадуки, закрепив свое решение приказом в золотой булле» [17, р. 415]. Кроме того, Андроник II передал Рожеру де Флору все символы власти мегадуки, «которые носили все служащие ромеи, и никто кроме них» [ibid.]. В последующем этот же титул по просьбе Рожера был пожалован Беренгарию де Эстенце [19, т. IV, р. 545¹⁸⁻²¹; 17, р. 429]. Беренгарию василевс также передал символы власти, включая «печать и знамя мегадуки» [17, р. 429]. Основываясь на том, что титул мегадуки занимал 6-й ранг в иерархии, а также формально являлся высшей командной должностью во флоте, можно предположить, что все титулы первого класса жаловались через хрисовул, подписанный автократом.

Полагаем, что иерархия во втором классе была организована в соответствии с порядком прямого подчинения нижестоящих должностей вышестоящим своего же класса². Несмотря на существующий церемониал, определить значение титула и его связь с социально-политическим статусом носителя крайне сложно. Не проясняется этот вопрос и условным делением на три класса. Полагаем, что решить данную задачу можно, лишь определив реальное функциональное и политическое предназначение титула, а также выявив взаимосвязь титула и социального статуса известных нам носителей конкретных титулов.

При решении поставленной задачи следует определить соответствие высших должностей титулам иерархии, связь знатности и властных полномочий носителей титулов, обстоятельства лишения титулов, распределение функций городского и провинциального управления между носителями титулов, не связанных с конкретной компетенцией, истинность предположения о статусе ойкеоса как главы дворцового управления.

Анализ трактата Псевдо-Кодина показал, что реальное функциональное содержание титулов распределено неравномерно. Более того, во многих случаях после указания ранга автор подчеркивал, что занимавший должность

«ничем не занимался» [21, р. 140⁴⁻⁵, 167¹⁻⁵, 167¹³⁻¹⁴, 175¹⁵⁻¹⁶, 182¹², 182²⁴⁻²⁵, 185¹⁵⁻¹⁶]. Здесь следует подчеркнуть, что указанная характеристика в целом не означала, что даже формально носитель титула был лишен компетенции. В других случаях Псевдо-Кодин уточнил, что занимавший какую-либо должность «не делал ничего, кроме того, что определено достоинством» [21, р. 175²⁰⁻²³, 176¹⁵⁻¹⁶, 178⁷⁻⁹, 182¹⁰⁻¹¹, 182²⁶⁻²⁷, 184¹⁴⁻¹⁶, 185¹⁷⁻¹⁹] и его обязанности «вытекают из самого его (титула. – А. Ш., В. З.) наименования» [21, р. 178¹⁰⁻¹¹, 178²³⁻²⁷, 179⁷⁻¹⁰, 182¹⁵⁻¹⁶, 182²²⁻²³, 184⁸⁻⁹, 185²⁵⁻³⁰–186¹⁻², 188⁹⁻¹⁰].

Переходя к анализу обязанностей и полномочий, закрепленных за конкретными должностями, следует обратиться к изучению должностей, которые по данным Псевдо-Кодина, не были обременены конкретными функциями. К ним относятся: *δεσπότης, σεβαστοκράτωρ, καίσαρ, πανυπερσέβαστος, πρωτοσέβαστος, κουροπαλάτης, λογοθέτης τοῦ γενικοῦ, μέγας παπίας, ἔπαρχος, λογοθέτης τοῦ δρόμου, δομέστικος τῶν σχολῶν, πρωτοσπαθάριος, μέγας ἀρχων, τατάς της αὐλῆς, πραιτώρ τοῦ δήμου, λογοθέτης τῶν οἰκειακῶν, μέγας λογαριαστής, κοιαιστωρ, λογοθέτης τοῦ στρατιωτικοῦ, λογοθέτης τῶν ἀγελῶν, μέγας διοικητής, ὄρφανοτρόφος, ἐπί τῶν ἀναμνήσεων, μέγας μυρταίτης, σεβαστός, μυρταίτης, μεγάλου βαϊούλου*. Таким образом, не связанные с обязанностями и полномочиями титулы составляли 1/3 часть от общего количества. Здесь следует подчеркнуть, что отсутствие определенной компетенции, закрепленной за каждой из указанных должностей, тем не менее не предполагало абсолютную отстраненность соответствующих чинов от какой-либо деятельности. Так, несмотря на тот факт, что квестор обозначен Псевдо-Кодином как простой чиновник «без обязанностей» [21, р. 184¹⁻³], анализ источников показал, что носители этого титула в силу приближенности к императору выполняли обязанности служителей канцелярии [15, t. 2, р. 419]³, использовались в дипломатических миссиях [23, S. 67; 26, р. 33, not. 5].

Также изменился юридический статус орфанотрофа, который, по мнению Л. Брейе и Э. Штейна, трансформировался в высокий дворцовый титул [7, р. 526; 24, S. 34]. Полага-

ем, что традиционные обязанности орфанотрофа – устроителя и попечителя приютов столицы с конца XIII в. – перешли к церковнослужителям. При этом нам известны орфанотрофы, занятые в дипломатических мероприятиях [16, р. 200–202] и в провинциальном управлении [4, р. 59]. *Ἐπί τῶν ἀναμνήσεων*, отвечавший за напоминание императору о людях, достойных вознаграждения, не был задействован в системе управления [24, S. 38, not. 3]. Однако следует подчеркнуть, что занимая должность эпитонанамнестеон, Спанопул был назначен месодзоном [12, vol. II, р. 99].

Несмотря на замечания Псевдо-Кодина, представляется, что логофеты государственной и императорской казны сохранили свою прямую компетенцию вплоть до начала XIV века. Сложнее определить юридический статус логофета дрома. Согласно трактату, традиционные функции логофета дрома – контроль над почтовой службой и дипломатическим этикетом – были преданы великому логофету. Однако, как следует из данных актовых материалов, логофет дрома осуществлял обязанности кефалотикеона [3, t. IV, р. 366, 388, 390]. Также нам известно, что логофет дрома Метиопул подтвердил свои права и полномочия кефалотикеона императорским хрисовулом [3, t. IV, р. 363]. Широко используемая в никейский период должность логофета стад [23, S. 29], очевидно, была упразднена в связи с экспансией турок в Малой Азии. Последнее известное нам по сообщениям источников упоминание логофета стад связано с Ионном Факрасом [16, р. 7–8].

По мнению В. Лорана, тот факт, что нарративы содержат сообщения о лицах, занимавших должность великого байулу (84-й ранг в иерархии) в связи с конкретной деятельностью, свидетельствует о том, что они выполняли обязанности воспитателей детей василевсов [14, σ. 200]. По мнению исследователя, носитель титула татаса двора, занимавшего 38-й ранг, выполнял те же функции [14, σ. 203]. Здесь следует подчеркнуть, что, несмотря на сохранение необходимости воспитания императорских детей, материалы источников, кроме трактата Псевдо-Кодина, освещавших события периода после гражданской войны, не содержат упоминания этих титулов. Таким образом, можно предположить, что в

период правления первых Палеологов должно-сти великого байулу и татаса двора трансформировались в титулы, пожалованные представителям знатных семей, которым василевсы доверяли столь ответственные задачи.

Полагаем, что все непроанализированные нами титулы-должности из указанных выше в списке не наделенных конкретными компетенциями, трансформировались в высокие дворцовые титулы. Среди них более значимыми были титулы паниперсеваста, прото-севаста и севаста. Все они не были связаны с конкретными функциями [21, р. 167, 175] и жаловались исключительно представителям правящей династии или же представителям родственных Палеологам родам⁴. Таким образом, указание Псевдо-Кодина о том, что эти титулы не были связаны с конкретными обязанностями и полномочиями, подтвердилось. Тем не менее некоторые из них были связаны с определенной деятельностью.

Чаще всего носители этих титулов как представители высшей знати и лица приближенные к василевсу использовались в дипломатических целях. Мнение Л.-П. Рейбо, связавшего все приведенные титулы с конкретной деятельностью [22, р. 177–181], не подтвердилось, поскольку даже состав дипломатических миссий не являлся постоянным. К решению различных вопросов межгосударственных отношений при необходимости привлекались доверенные лица императоров, которым в силу социального статуса, происхождения василевсы жаловали различные дворцовые титулы.

Список титулов-должностей, которые, согласно Псевдо-Кодину, были связаны с определенными полномочиями и обязанностями, значительно шире предшествовавшего: *μέγας δούξ, μέγας δομέστικος, πρωτοστράτωρ, μέγας στρατοπεδάρχης, μέγας κονοσταύλος, μέγας λογοθέτης, μέγας δρογγάριος τῆς βίγλης, πρωτασηκρηῆτις, μυστικός, ἐπί τῶν δεήσεων, μέγας ἀδνονυμαστής, μέγας διερμηνευτής, ἀκόλουθος, κριτής τοῦ φωσσάτου, πρωτονοτάριος, δομέστικος τῶν τειχέων, λογαριαστής τῆς αὐλῆς, στρατοπεδάρχης τῶν μονοκαβάλλων, στρατοπεδάρχης τῶν τζαγγρατόρων, στρατοπεδάρχης τῶν μουρτάτων, στρατοπεδάρχης τῶν τζακόνων, προκαθήμενος τῶν μεγάλων παλατιῶν,*

προκαθήμενος τῶν Βλαχερνῶν παλατιῶν, δομέστικος τῶν ανατολικῶν θεμάτων, δομέστικος τῶν δυτικῶν θεμάτων, προκαθήμενοι πόλεων, ἐπί τοῦ κανικλείου (см.: [21, р. 169¹⁴⁻²⁷, 248–252, 173¹⁶⁻²⁹, 174¹⁻⁹, 174¹⁰⁻¹³, 175¹²⁻¹⁴, 178¹³⁻¹⁵, 178²⁸⁻³³, 179⁵⁻⁶, 183²⁴⁻²⁷, 184⁴⁻⁷, 184¹⁷⁻¹⁹, 184²⁰⁻²⁴, 184²¹⁻²⁵, 185²¹⁻²⁴, 186³⁻⁷, 186²⁸⁻²⁹–187¹⁻³, 187⁴⁻¹³, 187¹⁴⁻¹⁶, 187¹⁷⁻¹⁸, 187¹⁹⁻²², 187²³⁻²⁴, 187²⁵⁻²⁶, 188⁵⁻⁸, 188²⁰⁻²², 140¹⁻⁷, 304, 308]). Большая часть этих титулов связана с системой военного командования. Высокий ранг большинства военных титулов-должностей, а также их численное превосходство над гражданскими свидетельствуют о приоритете военного управления перед гражданским как следствии высокого значения армии в современных внешнеполитических условиях. Кроме того, здесь следует подчеркнуть, что многие из титулов-должностей имели двойную компетенцию – в составе собственно дворцового управления и в системе центрального управления.

Совмещение двух компетенций явно свидетельствует о деградации системы центрального управления. Подтверждением этому служит отсутствие в описании Псевдо-Кодина четких перечней полномочий ряда должностей, так или иначе отражавших должностные права и обязанности чиновников. Например, не вызывает сомнения связь прокафимена *τῶν μεγάλων παλατιῶν* с финансовой службой. В этой связи считаем необходимым подчеркнуть обоснованность гипотезы Р. Гийана, согласно которой отсутствие точной определенной связи титула-должности с деятельностью свидетельствует об их тождественности титулам без указания функций и явной тенденции трансформации их в знак-титул, подчеркивавший достоинство носителя [11, р. 63]. Вместе с тем приведенные титулы, формально соответствовали определенным должностным обязанностям, не связанным с дворцовыми и центральными службами. В этой связи необходимо определить, как и на основании каких принципов происходило формирование дворцового служебного корпуса.

Согласно Псевдо-Кодину, назначение на должности и присвоение титула, ранг которого мог быть изменен, происходило по решению василевса [21, р. 189–191]. При этом в своем волеизъявлении император ориентиро-

вался на ряд особых требований, негласно предъявляемых к кандидатам. Одним из них, очевидно, был определенный возраст. Точные критерии нам неизвестны, но, основываясь на известных данных, можно указать, что на дворцовые должности назначались только взрослые люди. Другим условием был социально-политический статус кандидатов (подробнее см.: [11, p. 58–68]). Здесь лишь следует подчеркнуть общеизвестный факт, что все без исключения дворцовые должности замещались представителями византийской знати [13, p. 12]. При этом жены высших должностных лиц получали наименование в соответствии с титулом мужей: друнгария, пинкерниса и т. д. Однако необходимо отметить, что титулы не передавались по наследству. Они жаловались василевсом лицам, которые своей службой доказали доблесть и преданность императору и должны были быть за это вознаграждены.

Среди носителей высших титулов-должностей известны иностранцы. Практика награждения титулами иностранных подданных, членов правящих династий, наемников на службе империи была традиционна для Византии⁵. Чаще всего титулы выступали в качестве вознаграждения либо средства, используемого византийской дипломатией⁶. Так, известны сообщения Никифора Григоры о пожаловании русским князьям титулов мегадуки и примикирия [18, vol. I, p. 239]. Очевидно, таким путем византийская титулатура проникала в политическую систему других государств. Примером этому может служить общеизвестное использование в русской традиции византийского титула «кесарь».

Полагаем, что заимствование византийской придворной титулатуры являлось следствием использования авторитета Византии в национальных интересах. Титулы воспринимались как символы национального величия, выявлявшие общие корни с римской и византийской державами. В то же время первые Палеологи использовали пожалование титулов в основном как средство вознаграждения за службу. Практиковалось пожалование высоких титулов наемникам-латинянам. Так, в период правления Михаила VIII наиболее известен случай с наемником Ликарио, получившим за проявленную доблесть и преданность

империи сначала титул великого коноставла [19, t. II, p. 527²⁵⁻²⁶], а позднее мегадуки [19, t. II, p. 529⁶⁻⁷]. В период правления Андроника II титул мегадуки жаловался Рожеру де Флору [17, p. 415; 19, t. IV, p. 437²], Беренгарию де Эстенце [19, t. IV, p. 545¹⁸⁻²¹; 17, p. 429], Ферану Хименесу [19, t. IV, p. 710, not. 94]. Титул адмирала был пожалован каталонцу Ферану де Оне [17, p. 436; 19, t. IV, p. 579¹⁹] и нанятому на службу венецианскому пирату – Андре Мориско [19, t. IV, p. 625³⁰]. Достоинство кесаря незадолго до смерти получил Рожер де Флор [17, p. 429–430; 19, t. IV, p. 571⁶]. Кроме латинян, дворцовые титулы даровались туркам, служившим в империи. После возвращения столицы в 1261 г. Михаил VIII пожаловал Василиу титул-должность паракимомена опочивальни [19, t. I, p. 183¹²⁻¹³], а Василику – титул великого этериарха [19, t. I, p. 183¹³⁻¹⁴].

Учитывая сказанное, считаем необходимым подчеркнуть, что всю систему дворцовых титулов василевсы использовали в собственных практических целях. Даруя высокие титулы наемникам или союзникам, императоры решали важнейшие внешнеполитические задачи. Жалуя титулы-должности представителям знатных ромейских семей, василевсы усиливали политическую опору собственной власти. Это проявилось в тенденции закрепления высших провинциальных и дворцовых должностей за конкретными знатными семьями, в большинстве своем состоявшими в родстве с Палеологами.

В достаточной мере убедительным подтверждением высказанного нами предположения считаем политическую карьеру представителей рода Филанфропинов. Так, в период правления Михаила VIII на военном поприще прославился Алексей Филанфропин, который более десяти лет возглавлял византийский флот в титуле протостратора, а позднее мегадуки [19, t. I, p. 155¹⁷⁻¹⁸, 435¹⁸]. В период правления Андроника II проявил свои полководческие способности пинкерн Алексей Филанфропин Тарханиот [19, t. I, p. 237¹³⁻¹⁵], внук мегадуки Алексея Филанфропина.

Примером порядка замещения дворцовых должностей, явно свидетельствующего о высокой вертикальной мобильности среди чиновников, может служить карьера Михаила Тарханиота Главы. Михаил Глава, начав-

ший свою карьеру в должности великого прикирия (13-й ранг), завершил ее с титулом кесаря (3-й ранг) [19, t. II, p. 385⁶⁻⁷; 19, t. III, p. 81⁷⁻⁸], сменив за всю свою придворную деятельность восемь титулов. Полагаем, что такой путь по карьерной лестнице к высшим дворцовым титулам-должностям был открыт для всех высших лиц судебных и военных административных «корпусов».

Следует подчеркнуть, что природа императорской власти делает очевидным тот факт, что смещение с должностей также являлось исключительной компетенцией василевса. Чиновники отстранялись от должности по двум причинам: собственная инициатива и решение автократора. В то же время как абсолютный монарх император принимал решение в обоих случаях. В этой связи особого внимания заслуживает мнение Р. Гийана, предположившего, что лишение титула не означало смещение с должности [9, p. 24]. Полагаем, что единственный пример с Нестонгом Дукой, предложенный исследователем в качестве аргумента, является недостаточным основанием для столь существенных выводов. При этом данные источников позволяют выявить множество примеров прямой связи лишения титула со смещением с должности. Одними из наиболее ярких свидетельств могут служить: лишение титула и смещение с должности брата Михаила VIII деспота Иоанна Палеолога [19, t. II, p. 435¹⁹⁻²⁵], разжалование и смещение с должности командующего пинкерн (кесаря) Алексея Филанфропина [19, t. III, p. 237, 255], смещение с должности мегадуки Рожера де Флора [19, t. IV, p. 545].

Установленная нами связь знатных родов с системой дворцового управления, а также особое значение, придаваемое василевсами близким родственным связям и личному доверию при формировании административного аппарата, явно свидетельствуют о существенной роли носителей дворцовых титулов в системе городского и провинциального управления⁷. Как мы знаем, прямой, установленной законом или традицией, связи назначения глав провинциального управления, называемых архонтами или дуками, с дворцовыми титулами-должностями в палеологовский период не существовало. Тем не менее

данные источников позволяют выявить представителей дворцовой администрации, занимавших высшие должности в системе местного управления.

Поскольку проблема специфики административно-территориального устройства Византии в период правления первых Палеологов не является предметом нашего рассмотрения, считаем необходимым представить список глав фем и катепаникионов с титулами без указания места осуществления ими должностных обязанностей: Николай Каллофет – севаст [23, S. 34], Фока Авториан – грамматик [23, S. 68], Мануил Дука Ласкарь – доместик схол, Никифор Хумн – эпитанкис, Константин Палеолог – деспот [12, vol. I, p. 129], Иоанн Палеолог – паниперсеваст, кесарь, деспот [12, vol. I, p. 211], Феодор Хумн – великий стратопедарх [18, vol. I, p. 408–409; 12, vol. I, p. 268], Сиригиан Палеолог Филанфропин – пинкерн, мегадука [15, vol. 1, p. 244–245, 247; 15, vol. 2, p. 147, 214; 18, vol. I, p. 497–498], Андроник Кантакузин – великий хартуларий [3, t. V, p. 133–134], Иоанн Тарханиот – доместик схол [3, t. V, p. 119], Умпертопул – куропалат [19, t. III, p. 93⁷⁻⁸], Андроник Асень – протовестиарий, Андреа Мориско – адмирал, логофет стратиотикона [12, vol. II, p. 556, 573, 583, 607], Кассиану – великий прикирий [19, t. IV, p. 573⁸], Андроник Палеолог – протовестиарий [12, vol. I, p. 211, 260], Иоанн Хумн – паракимомен великой печати, Алексей Филанфропин – пинкерн, Дука Нестонг – великий этириарх. Завершить список следует василевсом Михаилом IX, управлявшим Фессалоникой в 1320 г. [18, vol. I, p. 277, 278].

Приведенный список позволяет сделать следующие выводы. Часть должностей провинциального управления замещалась представителями знатных родов, являвшихся носителями высоких дворцовых титулов-должностей. Можно с уверенностью утверждать, что выбор кандидатов на замещение должностей глав провинциального управления обуславливался политическими интересами. Основываясь на социальном статусе представителей провинциальной администрации и их титулатуре, можно выделить три группы дворцовых титулов, связанных с системой местного управления. К первой следует отнести титулы деспота и кесаря, носителями которых чаще всего были

члены императорской семьи или их близкие родственники⁸. Во вторую входят титулы-должности, формально обремененные, в основном, военно-командными функциями: мегадука, протостратор, эпи ту каниклеу, великий этериарх. К третьей группе следует отнести титулы, не связанные с конкретными административными служебными обязанностями и полномочиями: великий папия, эпарх, доместик схол, великий примикирий, пинккерн, великий хартуларий, логофет стратиотикона.

Результат обобщения анализа состава глав провинциального управления явно свидетельствует о том, что большая часть высших местных чиновников была связана с титулами-должностями, обремененными военно-командными функциями. Кроме того, они могли быть носителями других титулов и принимать участие в военных действиях. Таким образом, можно сделать вывод, что в большинстве случаев василевсы назначали на провинциальные должности профессиональных военных, а также лиц, связанных с системой военного командования. В этой связи вполне очевидно что политические цели и интересы всецело подавлялись стратегическими. Полагаем, что использование дворцовых титулов военного командования позволяло императору обеспечивать контроль над территориями, подверженными перманентным нападениям противников. Постоянная внешняя угроза существенно повышала авторитет власти полководцев среди местных жителей.

Несмотря на отсутствие в трактате о дворцовом церемониале описания регламентации определенного порядка соподчиненности дворцовых должностей, учитывая разветвленность системы управления, можно предположить наличие должности, сопряженной с функциями главы дворцовой администрации. В этой связи возникает вполне закономерный вопрос о том, кому император поручал осуществление контроля над деятельностью чиновников, а кому лично выполнять приказы автократора?⁹ Полагаем, что анализ юридического статуса месадзона позволит ответить на поставленный вопрос.

Титул месадзона входил в политическую систему Византии уже с XI в. [27, с. 87]. Очевидно, что его полномочия существенно изменились за два столетия византийской исто-

рии. В современной науке статус месадзона в палеологовский период представлен неоднозначно. По мнению Э. Штейна, месадзон являлся посредником между императором и дуками фем, а также осуществлял высшие функции гражданского управления, исходя из чего его можно сравнить премьер-министрами монархий нового периода, компетенция которых не была строго ограничена [24, S. 39]. Р. Гийан предположил, что месадзон не был наделен властными полномочиями и был ограничен обязанностью публичного представления императора [10, p. 52]. Специальные исследования административных функций месадзона представлены в работах Х.Г. Бека и Ж. Верпо. Не достигнув определенных результатов, ученые ограничились указанием на явно высокий статус месадзона [25, p. 288]. По мнению Х.Г. Бека, его компетенцию можно сопоставить с компетенцией великих визирей [6, S. 312].

Полагаем, что несколько прояснить картину позволит анализ всех известных нам данных о деятельности месадзонов и занимаемых ими дворцовых титулов-должностей.

В период правления Михаила VIII и Андроника II должность месадзона последовательно занимали: с 1277 по 1294 г. – логофет геникона, пансеваст, протовестиарий, протосеваст, великий логофет Феодор Музалон [3, t. IV, p. 272; 19, t. III, p. 19¹⁵, 71¹⁶; 20, № 19439]; с 1294 по 1310–1315 гг. – мистик, эпи ту калikleу Никифор Хумн [12, vol. I, p. 14; 19, t. III, p. 215¹⁹; 20, № 30961]; с 1310–1315 гг. по 1328 г. – великий логофет Феодор Метохит (до должности месадзона – логофет геникона [19, T. IV, p. 395²⁹⁻³⁰], логофет тон ойкеакон, логофет тон агелон [18, vol. I, p. 271; 20, № 17982]). Таким образом, можно предположить, что должность месадзона не была связана с конкретной дворцовой титулом-должностью. В то же время занимаемые должности месадзонов явно свидетельствуют о широте его компетенции.

Приведенные данные о носителях титулов-должностей месадзонов свидетельствуют о том, что в их ведении находились финансовая служба, канцелярия императора, обязанности мистика, а также контроль над работой дворцовых переводчиков. Кро-

ме того, в юрисдикцию месадзона входили следующие функции: 1) консультативная; 2) законодательная – заключалась в праве скреплять и ратифицировать декреты императора; 3) финансовая – определение расходов на нужды императора и дворца [8, S. 295; 22, p. 205–206]. Учитывая отсутствие четкой регламентации компетенции месадзона, а также широкий спектр деятельности, полагаем, что его полномочия и обязанности являлись временными.

Известные нам раннепалеологовские месадзоны, занимая определенные дворцовые титулы-должности, не замещали соответствовавшие их деятельности дворцовые должности, а лишь выполняли конкретные поручения василевса. Таким образом, вполне очевидно, что юридический статус месадзонов не являлся постоянным и менялся императором в зависимости от политической необходимости. В то же время отождествить месадзонов с главами дворцового управления не представляется возможным. Как мы указывали выше, они временно наделялись определенными полномочиями, соответствовавшими формально закрепленным за дворцовыми чиновниками.

Подводя итог проведенному анализу юридического статуса дворцовых чинов, а также организации дворцовых должностей, необходимо отметить следующее. Система дворцовых должностей представляла собой глубоко иерархизированную совокупность титулов-должностей, каждый из которых не был определенно связан с конкретными полномочиями и обязанностями. Однако в силу того что дворцовые титулы-должности жаловались исключительно представителям знатных семей, по решению императора им вверялось исполнение определенных функций. Кроме того, выявленная нами систематизированность титулов-должностей в связи с социальным статусом носителей предполагала определенную систему соподчиненности. Вместе с тем порядок замещения титулов-должностей четко регулировался решением императора и не был обусловлен внутренней иерархией системы императорского дворца. Должности разных рангов отбирались и жаловались василевсом лицам, заслуживающим вознаграждения, в числе

которых нередко были наемники. В то же время стратегические интересы требовали привлечения носителей высших дворцовых должностей к замещению должностей провинциального управления. Среди всех должностных лиц государства широтой компетенции, все также непостоянной, выделялся месадзон, представлявший собой доверенное лицо императора, не связанное с дворцовыми чинами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Следует подчеркнуть, что четкая иерархизированность титулов и должностей – специфическое византийское явление, характерное для ее центрального управления уже с X века.

² Необходимо отметить, что, по данным М.А. Андреевой, в никейской иерархии дворцовых должностей было четыре класса [1, с. 113].

³ В правление Андроника II должность квестора занимал Никифор Хумн [19, t. III, p. 143³¹].

⁴ Например: Тарханиотам [16, p. 71]; Раулям [4, p. 90]; Метохитам [12, vol. III, p. 104].

⁵ Эта практика получила широкое распространение с XI века. См.: [2, с. 215–252].

⁶ Примером может служить, пожалование высокого военно-командного титула-должности великого доместика Гийому Виллардуэну [19, t. I, p. 125^{1-2,6}].

⁷ По мнению Л. Брейе, связь дворцового управления с провинциальным была заложена в самих титулах [7, p. 147].

⁸ По мнению Р. Гийана, которое мы поддерживаем, титулы деспота и кесаря не были связаны с определенными функциями [11, p. 58].

⁹ По мнению Л.-П. Рейбо, важнейшие функции управления были переданы в ведение ойкеоса [22, p. 200–201]. Однако материал источников не позволяет сделать обоснованные выводы по вопросу его компетенции. В то же время данные актовых материалов определенно указывают на то, что титул ойкеоса жаловался представителям знатных семей [3, t. VI, № LXXX, p. 204–205; № LXXXVI, p. 213].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева, М. А. Очерки по культуре византийского двора в тринадцатом веке / М. А. Андреева. – Прага : Краловска чешска сполечность наук, 1927. – 208 с.

2. Оболенский, Д. Византийское содружество наций / Д. Оболенский. – М. : Янус-К, 1998. – 655 с.

3. Acta et diplomata Graeca medii aevi sacra et profana : VI t. / ed. F. Miklosich et J. Müller. – Vindobonae : C. Gerold, 1860–1890.
4. Actes de Kutlulus / ed. P. Lemerle. – Paris : P. Lethielleux, 1945. – 1011 p.
5. Angold, M. A Byzantine government in exile: government and society under the Laskarids of Nicaea, 1204–1261 / M. A. Angold. – London : Oxford University Press, 1975. – XX, 332 p.
6. Beck, H. Der byzantinische Ministerpräsident / H. Beck // Byzantinische Zeitschrift. – München, 1955. – Bd. 48. – S. 309–338.
7. Bréhier, L. Le Monde byzantin / ed. Albin Michel / L. Bréhier. – Paris : A. Michel, 1949. – Vol. II : Les Institutions de l'Empire byzantin. – 631 p.
8. Dölger, F. Chronologisches und prosopographisches zur byzantinischen Geschichte des XIII Jahrhunderts / F. Dölger // Byzantinische Zeitschrift. – Leipzig, 1927. – Bd. 27. – S. 290–320.
9. Guiland, R. La collation et la perte ou la decheance des titres nobiliaires a Byzance / R. Guiland // Revue des Études byzantines. – Paris, 1946. – T. 4. – P. 24–70.
10. Guiland, R. Le protovestiarite George Phrantzès / R. Guiland // Revue des Études byzantines. – Paris, 1948. – T. 6/1. – P. 48–57.
11. Guiland, R. Observations sur la liste des dignitaires du Pseudo-Codinos / R. Guiland // Revue des Études byzantines. – Paris, 1954. – T. 12. – P. 58–68.
12. Ioannes Cantacuzenus. Historiae : 3 vol. / Ioannes Cantacuzenus ; ed. L. Schopen. – Bonn : Weber, 1828. – Vol. 1. – 560 p. ; 1831. – Vol. 2. – 615 p. ; 1832. – Vol. 3. – 365 p.
13. Kyritses, D. The Byzantine aristocracy in the thirteenth and early fourteenth centuries / D. Kyritses. – Cambridge : [s. n.], 1997. – 248 p.
14. Laurent, M. H. Ο μέγας βαΐουλος / M. H. Laurent // Επετηρίς Εταιρείας Βυζαντινών Σπουδών. – Αθήναι, 1953. – Σ. 193–205.
15. Manuelis, Philae. Carmina : 2 tom / Manuelis Philae ; ed. E. Miller. – Paris : Typographeo imperiali, 1855–1857.
16. Maxime, Planude. Epistulae / Maxime Planude ; ed. M. Treu. – Vratislaviae : G. Koebner, 1890. – 275 p.
17. Muntaner, Ramon. Chronica o discripcio fets e hazanyes dell incliyt rey Don Jaume. Expedition de Romanie / Muntaner Ramon // Chroniques étrangères relatives aux expéditions françaises pendant le XIIIe siècle / publiées pour la première fois, éruditées et traduites par J. A. C. Buchon. – Paris : A. Desrez, 1840. – Chap. CXCIX–CCXLIV. – P. 414–482.
18. Nicephorus, Gregoras. Historia Romana : 3 vol. / Nicephorus Gregoras ; ed. L. Schopen and I. Bekker. – Bonn : Weber, 1829. – Vol. 1. – 568 p. ; 1830. – Vol. 2. – P. 571–1146 ; 1855. – Vol. 3. – 567 p.
19. Pachymérès, Georges. Relations historiques. I–II tom / Georges Pachymérès ; éd. par. A. Failler ; trad. par. V. Laurent. – P. : Société d'Édition «Les belles lettres», 1984. – 667 p. ; III–IV tom / éd. et trad. par A. Failler. – P. : Institut français d'études byzantines, 1999. – 727 p.
20. Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit : 12 tom / E. Trapp, R. Walther, H.-V. Beyer. – Wien : Verlag der österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1976–1994.
21. Pseudo-Kodinos. Traite des offices / Pseudo-Kodinos ; introduction, texte et traduction par Jean Verpeaux. – Paris : Éditions du Centre national de la recherche scientifique, 1966. – 420 p.
22. Raybaud, L.-P. Le gouvernement et l'administration centrale de l'empire byzantin sous les premiers Paléologues (1258–1254) / L.-P. Raybaud. – Paris : Sirey, 1968. – 293 p.
23. Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches : in V T. / ed. F. Dölger. – München & Berlin : Oldenbourg & Beck, 1977. – T. III. – 268 S.
24. Stein, E. Untersuchungen zur spätbyzantinischen Verfassungs- und Wirtschaftsgeschichte / E. Stein // Mitteilungen zur osmanischen Geschichte. – Hanovre, 1924. – T. II. – S. 1–62.
25. Verpeaux, J. Contribution à l'étude de l'administration Byzantine / J. Verpeaux // Byzantinoslavica. – Prague, 1955. – Vol. XVI. – P. 270–296.
26. Verpeaux, J. Nicéphore Choumnos, homme d'Etat et humaniste byzantin / J. Verpeaux. – Paris : Picard, 1959. – 216 p.
27. Κοντογιαννοπούλου, Α. Η εσωτερική πολιτική του Ανδρονίκου Β' Παλαιολόγου (1282–1328). – Διοίκηση – Οικονομία / Α. Κοντογιαννοπούλου. – Θεσσαλονίκη : κέντρο βυζαντινών ἔρευνῶν, 2004. – 352 σ.

**COURT OFFICIALS IN THE CENTRAL IMPERIAL ADMINISTRATION
OF BYZANTINE EMPIRE IN THE EARLY PALAEOLOGIAN PERIOD**

V.A. Zolotovskiy, A.A. Shanin

The article gives a clear account of the actual problem of the central imperial administration in the Byzantine Empire in XIII–XIV centuries. The author analyzes the problem of organization and authority for titles-officials in the system of the central imperial (palace) administration, defines the socially purpose of the palace titles-officials hierarchy, their status in provincial administration, characterizes the legal status and powers of the mesadzone.

Key words: *history of state and law, history of Byzantium, early palaeologian period, central imperial administration, palace titles, court officials.*